

Дальнейшее о всемирной литературе. Иоганн Вольфганг Гёте

ВОЗРАЖЕНИЕ

Если действительно создастся в ближайшее время всемирная литература, — а это неизбежно при постоянно увеличивающейся быстроте средств передвижения, — то мы не вправе от нее ожидать ничего большего и ничего иного, чем то, что она на самом деле сможет нам дать и уже дает.

Весь мир, как бы просторен он ни был, все же только расширенное отечество и, если ближе взглянуть, не даст нам больше того, что уже предоставила нам наша родина. То, что по вкусу толпе, распространится беспредельно и зарекомендует себя во всех поясах и краях, как мы это уже видим теперь; но всему серьезному и подлинно дельному это удастся не так-то легко, и все же те, кто посвятили себя наивысшему и плодотворнейшему, станут узнавать друг друга быстрее и ближе. Нет сомнения, что всюду на свете найдутся люди, озабоченные основательным, а стало быть, истинным прогрессом человечества. Однако путь, которым они хотят идти, и шаг, который выдерживают, — не для каждого; суетные люди хотят продвигаться значительно быстрее и препятствуют продвижению того, что могло бы и их увлечь за собою. Поэтому-то серьезные люди и должны образовать безмолвную, почти тайную церковь; было бы тщетно противопоставлять себя широкому потоку дня, и все же следует стойко удерживать свои позиции, пока течение не пронесется мимо. Главным утешением и даже превосходнейшим одобрением для людей такой стати должно быть убеждение в том, что истинное является одновременно и полезным. Когда они сами поймут это тождество и смогут на живом примере показать справедливость такого убеждения, им ничто не мешает и вправду оказывать влияние на жизнь, и притом на протяжении многих лет.

ОБОДРЕНИЕ

Хотя во многих случаях и бывает полезно не столько передавать читателю уже продуманное, сколько пробуждать и вызывать его собственную мысль, здесь все же будет уместно еще раз пояснить вышеприведенные, уже давно записанные мною мысли.

Вопрос о том, полезно ли то или иное занятие, которому посвящает себя человек, достаточно часто всплывает в потоке времен. Теперь, когда никому не дозволено жить по своему вкусу, мирно, спокойно, умеренно и нетребовательно, этот вопрос должен особенно внятно повторяться. Внешний мир движется так бурно, что каждому грозит опасность быть втянутым в общий водоворот. И он часто видит себя вынужденным, ради удовлетворения собственных нужд, непосредственно и мгновенно позаботиться о потребности других; тут же, без сомнения, и возникает вопрос, обладает ли он какой-либо способностью, чтобы пойти навстречу таким обязательствам. И вот здесь-то и приходится себе сказать, что тут нас может спасти только чистейший и строжайший эгоизм; но этот эгоизм должен покоиться на сознательном, хорошо прочувствованном и спокойно выраженном решении.

Пусть спросит себя человек, к чему он больше всего способен, чтобы затем в себе и ради себя выработать эту способность наиусерднейшим образом. Пусть смотрит он на себя как на ученика, как на младшего, а потом старшего подмастерья и только позднее и с крайней осмотрительностью как на мастера.

Если человек сумеет с благоразумной скромностью повышать свои требования к внешнему миру только по мере роста своих собственных сил и снискать себе его расположение приносимой им пользой, тогда он достигнет своей цели, переходя со ступени на ступень и, поднявшись до наивысшей, сможет с удовлетворением предаться своей деятельности.

Ту помощь и те помехи, посредством которых эмпирический мир облегчает или же преграждает путь, пусть покажет ему сама жизнь, если только он способен ей внимать. Кое-что, однако, должен всегда иметь в виду достойный человек: заискиванье расположения у сегодняшнего дня не принесет пользы ни завтра, ни послезавтра.

ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Каждая нация имеет особенности, которыми она отличается от других. Благодаря им нации чувствуют себя отделенными друг от друга, взаимно притягиваются или отталкиваются. Внешние проявления внутренних особенностей одной нации обычно представляются другой чем-то отталкивающим, в лучшем случае смешным. Из-за этих особенностей мы всегда ценим нацию меньше, чем она того заслуживает. Внутренние же свойства нации остаются не признанными и не признанными ни чужеземцами, ни даже самой нацией, ибо внутренняя ее природа, равно как и природа отдельного человека, проявляется бессознательно, так что под конец удивляешься тому, что проступает наружу.

Не притязая на то, чтобы знать эти тайны, я не имею смелости и говорить о них. Хочу сказать только одно: по моему убеждению, в наши дни наиболее напряжены внутренние творческие силы у французов, и они поэтому в ближайшее время снова будут иметь большое влияние на нравственный мир. Я охотно сказал бы больше; но это заведет нас слишком далеко и нужно будет высказываться очень пространно, чтобы сделать понятным и приемлемым то, что нам здесь хочется сказать.

Когда один кружок немецких людей стал собираться для совместного ознакомления с немецкой поэзией, нам это показалось во всех отношениях допустимым, и в высшей мере желательным, так как участники кружка, в качестве просвещенных людей, вполне знакомых с литературой всех немецких племен и с немецкой государственностью в целом и в отдельных германских странах, могли с полным правом избрать изящную литературу предметом для остроумных и приятных бесед.

Скажем же поэтому, что изящную литературу какой-либо нации можно узнать и почувствовать только тогда, когда одновременно представишь себе всю совокупность ее явлений.

Этого достигаешь лишь частично, когда читаешь газеты, довольно подробно знакомящие нас с общественными делами. Мало того, к этому надо еще прибавить все те воззрения и мысли, которые иностранцы имеют потребность высказывать о себе в критических и реферирующих журналах, равно как и их сочувственные и отрицательные отзывы о других нациях, в частности о немецкой. Так, каждый желающий освоиться с новейшей французской литературой должен познакомиться с прочитанными два года назад и недавно вышедшими

из печати лекциями: Guizot, «Cours de l'histoire moderne», Villemain, «Cours de la litterature francaise», а также: Cousin, «Cours de l'histoire de la philosophie». Отношения, существующие у них между собою, и отношения их к нам выступают здесь особенно отчетливо. Еще живее, быть может, то воздействие, которое оказывают более часто выходящие журналы и выпуски: «Le Globe», «La Revue Francaise» и недавно основанная газета «Le Temps». Все они необходимы, если мы желаем воссоздать во всей его жизненности то беспокойное колебание непрочных и все же великих движений, которые сейчас наблюдаются во Франции, — равно как и все отсюда возникающие порывы и течения.

Французская поэзия, как и французская литература, ни на мгновение не отрывается от жизни и от страстей всего народа; в новейшее время она, конечно, по преимуществу проявляет себя оппозиционно и напрягает все силы своего таланта, чтобы добиться влияния на жизнь страны и принизить противника, которому, как обладателю власти, нет, как видно, нужды быть особенно даровитым.

Следя за их страстными признаниями, мы глубоко заглядываем в жизнь французского народа. К тому же из того, как они думают о нас, проявляя к нам немалое благожелательство, мы научаемся судить и о себе; а ведь нам совсем не вредно о себе хоть когда-нибудь призадуматься.

Если последовать по предложенному выше пути, можно очень быстро ознакомиться со всем тем, что происходит в общественной жизни или с нею граничит. При теперешней бойкой книжной торговле можно очень скоро достать любую книгу, и мне часто случается получать в дар от автора книгу, которую он ко мне направляет с оказией и которую я ко дню ее прибытия уже давно прочел.

Из сказанного явствует, что это немалая задача — проникнуть в любую литературу новейшего времени. Об английской литературе, так же как и об итальянской, надо было бы говорить особо; ибо здесь мы опять встретимся с совсем другими обстоятельствами.

1829

Комментарии

Написано в 1829, напечатано посмертно в 1835 году.

Гете упоминает труды: Ф. Гизо, «Курс новейшей истории» (1828–1830), А.-В. Вильмена, «Курс французской литературы» (1828–1830) и В. Кузена, «Курс истории философии» (1828).

А. Аникст